

**Лазарев Ф.В.**

## **СЧАСТЬЕ И СМЫСЛ: НА ПУТИ К ТРАНСЦЕНДЕНТНОМУ.**

Фома Аквинский говорил: "В каждой душе живет тяготение к счастью и смыслу". В сущности, можно предположить, что вся человеческая культура - в её экзистенциальном измерении - как раз и проистекает из этих двух истоков и выстраивается из этих оснований. Душа, понимаемая как ДУХ, испытывает неодолимую потребность в обращении к высшим, надличностным смыслам и ценностям, к трансцендированию, напротив, душа как дом и свет нашей собственной субъективности тянется к тому, что на философском языке можно было бы назвать трансцендентальным. Отсюда-то и следует, что абсолютная бытийственность культуры, трепетная актуальность её жизненного самовыявления - не в отчуждении субъекта от данных ему обетований, не в его "самости" и не в его вневходимости по отношению к объекту, а в "искусстве жить", в прохождении через моменты упоительного равновесия между трансцендентным и трансцендентальным. Доминирование того или другого полюса на определенных этапах духовной истории людей незамедлительно вызвало некий скрытый надлом, провоцировало срыв или своего рода социокультурный "невроз". Совсем иная картина наблюдалась в периоды относительной уравниваемости между этими полюсами.

Как известно, в истории культуры период господства мифологического сознания характеризовался тем, что в мифе снято разделение идеального и материального, образа и предмета, значения и смысла. Тот, кто "живет" мифом, - говорит М. Элиаде, - из профанного, хронологического времени вступает в другое время, другое состояние, а именно в "священное время", которое изначально и всё-таки может как угодно часто возобновляться. Благодаря вовлеченности в ритуальное действие индивид как бы выпадает из своего повседневного существования в обычном мире и вступает в просветленный, сияющий мир, который пронизан присутствием сверхъестественного. Танцор, принимающий участие в мифической драме, не только олицетворяет бога, он отождествляется с ним. Профанное течение жизни людей переходит в сферу сакрального времени. Как подчеркивает К. Хюбнер, у Гомера единство пира, пения и танца - "прекраснейшее", поскольку благодаря этому каждый достигает "евфросине" как особого состояния души.

Но "евфросине" ценилось также и позднейшими философами как ощущение счастья, которое появляется в опыте божественного и резко отличается от "гедоне", профанного и чувственного удовольствия. Так, Платон говорит в своём "Тимее" о музыке, что она доставляет неразумным "гедоне", а разумным - "евфросине" вследствие располагающегося в ней "подражания божественной гармонии". Другими словами, "жизнь в мифе" архаичного человека являет собой момент подлинного слияния трансцендентного и трансцендентального начал, такой момент их равновесия, который и рождает культурную реальность в собственном смысле слова. Напротив, распад "мира культуры", её историческая самоисчерпанность начинается, как правило, с утраты обозначенного равновесия.

Следствием такой утраты оказывается, в частности, десакрализация природы и человека, которая в рамках современной технократической цивилизации достигла таких масштабов, что угрожает слому часового механизма истории и размыванию той сущностной характеристики, той антропологической константы, которая так или иначе служила основой родового самоопределения индивида. В феврале 1997 года впервые в истории была клонирована живая система - шотландская овца по кличке Долли. А это значит, что делом ближайшего будущего, делом только техники стало клонирование и самого человека. В начале 1998 года Ричард Сид заявил, что он намерен начать практику клонирования человека в 1999 году. Технический прогресс, осуществляющийся до сих пор в условиях морального вакуума, поставил под вопрос уникальность человеческой личности, её духовную самоидентификацию, её абсолютную избранность в космическом Универсуме, её онтологическую незаменимость. Вообще говоря, техника давно уже незаметно и исподволь манипулирует сознанием и поведением людей, но сегодня она приблизилась, кажется, к самой сути человеческого в человеке - к свободе и неповторимости нашего "Я". Тем самым вновь актуализируются извечные философские вопросы о смысле и ценности жизни, об онтологии человеческого бытия.

Смысл как философское понятие изначально выражает некую форму идеальности, противостоящей всякой предметности, овеществленности, объективированности. В этом своём качестве он соотносится так или иначе со сферой субъективности, с жизнью духа. Мир, где нет субъекта, лишен каких бы то ни было "смысловых определений". Смысл субъективен, ибо он есть дело субъекта смысла; но производство "мира смыслов" не есть "чистое плетение" паутины из самого себя, из "чистого Я". В этом случае смысл не имел бы никакой аналогии с миром объективного, с вещами и был бы равен "бессмысленному" как некой данности самой по себе.

Поэтому смысл всегда возникает на пересечении субъективного и объективного, идеального и материального. При этом он может быть задан извне, как-то навязан субъекту, но может и сформироваться изнутри в результате творческого акта, как замысел, как деятельность проектирования, как самовыражение творческого духа. Тем не менее, в обоих случаях некое содержание конституируется как смысл лишь при условии, что существует инстанция, осуществляющая оценку. А всякая оценка ведет к появлению ценности, к ценностному измерению жизни.

Но ценность, навязанная извне /будет ли этим внешним какая-то социальная группа, государство или

сила культурной традиции /, содержит в себе возможность определения смысла бытия человека в профанных, деформированных, "превращенных" формах. Напротив, ценность, выступающая как попытка "проектирования" самого себя, выводит индивида в миры иначе-возможного, незапрограммированного, к открытой реальности, становится способом реализации свободы личности.

Что же может служить в качестве объективных коррелятов смыслотворческой деятельности человека, которые не превращались бы, с одной стороны, в объективированные, т.е. в отчужденные духовно-социальные фантомы, с другой - в произвольно навязываемые ценности под видом общезначимых? Отвечая на этот вопрос, З.А. Кравченко констатирует, что здесь может идти речь и о степени развития духовности индивида, и о таких его эмоционально-нравственных состояниях, которые выражают извечную потребность в обновлении человеческого бытия, как Вера, Надежда, Любовь. Иными словами, речь идет о таких духовных абсолютах, которые не суть нечто внешнее по отношению к нашему бытию, некие предзаданные императивы и заострившие "идеальные сущности", а живые ценностные опоры, образующие органическую часть внутренне ориентированной деятельности, вектор которой так или иначе выводит нас к потенциально бесконечному содержанию. Объективное в этом случае выступает как неотделимое от субъективного смысла творчества; человек находится в единстве с миром, можно сказать: мир - это смысл человека, а человек - смысл мира. Ё всё же не забудем того, что бесконечность как момент и сторона смыслотворческого бытия человека, как прорисовывающийся лик трансцендентного сама определяется через конечное существование индивида, через то, что выходит за всякое бытие через его конец, через "ничто". Именно "ничто", смерть выступает той реальной и всепоглощающей силой, перед лицом которой индивид понуждается искать смысл своего бытия, ценить жизнь и задумываться над ценностью своего присутствия в мире.

Трансцендентное - это то, что имеет смысл для индивида в силу того, что оно значимо само по себе; трансцендентальное - это то, что приобретает какой бы то ни было смысл в силу его значимости для нашего Я. Единство этих двух полюсов в экзистенциальном плане образует нечто, что можно было бы назвать истиной. Ведь если человек на своём жизненном пути нуждается в Смысле, то только то является для него Смыслом, - в котором он по-настоящему нуждается, - что одновременно воспринимается им как Истина. Ложь - ни в качестве иллюзии, ни в качестве самообмана или подмены ценностей - не нужна человеку, ибо не имеет для него никакой позитивной значимости с точки зрения его ориентаций в мире. Не случайно Ортега-и-Гассет определяет человека как бытие, абсолютно нуждающееся в истине. И наоборот: истина есть единственное, в чем по-настоящему нуждается человек. Всё остальное, включая и его витальные потребности, необходимо лить при условии, что есть истина, т.е. что жизнь имеет смысл. Истина нужна человеку как воздух, как вода, как хлеб. Жизнь без истины не приспособлена для её проживания.

Современная цивилизация истончает нашу волю к истине, а значит, и к жизни. Пока мы остаёмся заложниками угрюмой метафизики своеволия, становится всё труднее вырваться из порочного круга навязанных нам мнимых ценностей. Пугающий и одновременно притягивающий наш взор мир иначе-возможного как бы для того и существует, чтобы служить напоминанием об обетованном, но неисполненном. Это отрезвляющее обстоятельство в XX в. послужило толчком для глобальных "переоценок ценностей". Нам казалось, что мы расквитались, когда стали отказываться от вечных ценностей, от Истины и Абсолюта. И вправду: кому сегодня нужен Абсолют, да ещё с большой буквы? И что есть Истина? Кто-то уже задавал этот вопрос... Но коварство истории - в том, что любой отказ от над-личностного смыслового горизонта неминуемо ведет к сокращению ресурсов субъективной полноты жизни.

Так уж повелось, что человеку - для того, чтобы жить, - нужны экзистенциальные опоры. Как выстраиваются эти опоры, от Бога ли к человеку, от человека ли к обществу или от человека к человеку, это другой вопрос. Но что-то должно составлять его внутренний стержень, некую смыслообразующую константу в потоке жизни. Проблема эта представляет интерес и с собственно философской точки зрения. Г.З. Марков формулирует эту проблему следующим образом: "Если человек не сводим ни к богу, ни к слепым природным факторам, ни к некоей внутренней сущности, то как его вообще понимать, исходя из случайности и становления? Что останется от человека, если уничтожить его как зеркало Бога, Природы, Истины или Блага? На что может опереться человек, если ему придется отказаться в поисках своего самоопределения от вечных истин и ценностей, ибо они всегда оставались тем, благодаря чему нечеловеческое обретало смысл".

Для того, чтобы понять, что составляет сферу человеческого в индивиде, формируется ли эта сфера благодаря культуре, образованию или задана изначально, необходимо вновь обратиться к осмыслению многомерной природы личности, к анализу тех духовных практик, на основе которых человек на протяжении тысячелетий производил человеческое в самом себе. Многие современные философы сходятся во мнении, что на исходе XX в. становится всё более проблематичной сама человеческая жизнь, само историческое существование человечества, - особенно перед лицом возможных глобальных катастроф. Бытие личности утратило ту прозрачную осязаемость, ту уникальность, абсолютность и подлинность, которые были характерны для предыдущей культурной парадигмы, являя, чем дальше, тем больше сомнительность в самой своей онтологической основе.

Представляется ли такое положение дел чем-то существенно новым? Тут вспоминаются слова Экклесиаста: "Бывает нечто, о чем говорят: "смотри, вот это новое"; но это было уже в веках, бывших прежде нас". В самом деле, в истории культуры уже встречались эпохи, когда те или иные общества испытывали чувства обесмысливания жизни, когда рушились нравственные опоры в социальном и экзистенциальном бытии человека. Однако затем наступали времена, когда культурное самосознание людей возрождалось к новой жизни. Не следует ли из сказанного, что нынешняя сомнительность нашего бытия проистекает не из самой природы человека, а из каких-то особенностей современной исторической ситуации? Может быть, из его богооставленности?

Сказав это, я - будучи философом - ничего не утверждаю и ни к чему не призываю. Я ставлю вопрос. Такая исследовательская стратегия вовсе не является лишь данью традиции, а определяется самой природой всякого философствования, или, как говорят, самим характером философского дискурса, как он мыслится в рамках современной культурной парадигмы. Стратегия философского поиска Смысла - будет ли это смысл жизни или смысл трансценденции - в отличие от религиозного познания, которое позволяет овладеть абсолютной истиной о мире, заключается в том, что она есть, как говорит Ясперс, попытка постигнуть разумом господствующее в действительности неразумное и понять его как источник высшей разумности. Философствование - это "деятельность, которая производит внутреннее содержание человека и не может знать своего конечного смысла". Поэтому философия - это "для данного момента завершенное сознание бытия, знающее, что оно в своём притязании не может удержаться как окончательное".

Философия - это постоянный поиск "образа" мира и "образа" человека в их соотносительности и одновременно - это сознание того, что всякий такой образ исторически условен и относителен, что есть и другие измерения проблемы и другие прорывы к истине на других путях. Эта раздвоенность и постоянное беспокойство, постоянное сомнение духа - как человеческого духа, а не только философского - и есть сердцевина философии, не покидающей почву рациональности ни под каким видом и ни под каким предлогом.

Если внимательно присмотреться к современной цивилизации, то можно сказать без преувеличения, что мы живем в больном обществе и в больной природе. И что мудреного? Ведь это - мир без добродетели. И чем пристальнее мы вглядываемся внутрь себя, тем настойчивее закрадывается в душу мысль: похоже, что наша жизнь лишилась внутренней, собственно экзистенциальной направленности, что мы потеряли из виду её трансцендентное измерение. Бытие человека как бы утратило чувство истины и чувство пути. Люди всё больше напоминают собой племя беспутных. Но разве мы никуда не движемся? Разве ежедневные сообщения о новых завоеваниях научной мысли и новых технологических открытиях не свидетельствуют о беспорочности прогресса? Однако давно замечено: когда мы совершаем ошибку в пути, прогресс идет в обратном направлении.

Человек по природе своей есть существо незавершенное. Он - пространство возможностей, поэтому он - нечто, за пределы чего нужно идти. У Ницше встречается мысль о том, что человек - это лишь мост между двумя бесконечностями - бесконечностью Природы и бесконечностью Бога. В этом трудность - он разделен. Человек как мост - это и есть трансцендентальное, бесконечность же Бога и природы трансцендентна. Через самоуглубление, через просветление обретается Смысл: трансцендентность бесконечного актуализируется здесь и теперь. Человек уже не мост, он в пути. Его движение приобретает направленность.

В XX веке философы антропологической ориентации во весь голос заговорили о фундаментальной значимости экзистенциального измерения человеческого бытия, о смысле творчества и способах самоосуществления индивида. Экзистенциалисты, в частности, настаивали на постулате о человеческой свободе как абсолютной данности. Здесь, впрочем, опыт современной истории подталкивает нас к выводу: пока мы будем рассматривать свою экзистенциальную свободу как западную, а самих себя как исторически невменяемых субъектов социальной драмы, наше личностное пространство возможностей будет неизбежно стягиваться в точку, в ничто, а любые перемены будут представлять перед нами как хаос спонтанности, как поток, несущийся в никуда. Не следует ли в таком случае обратиться к смыслу того, что можно было бы назвать новым космическим сознанием, и задуматься над онтологией нашего вхождения в мир?

Похоже на то, что человек приходит в мир, как в свой собственный дом, но не как хозяин, а как желанное дитя. И потому он рождается счастливым. Счастье как универсальная, закодированная в человеческом естестве гармония жизни с космической реальностью имеет, возможно, метафизическую подоплёку. Кажется, что природа-мать позаботилась о том, чтобы "певец и первенец" разумной стихии чувствовал себя уютно и безмятежно в космическом Доме бытия. Это наводит на мысль, что по своей природной сути человек укоренен в мире неким изначальным образом, его появление как бы предзадано космической эволюцией. Чем больше современная космология убеждается в справедливости так называемого "антропного принципа" Хокинга, тем явственнее эта мысль из философского допущения перерастает в научную аксиому.

Лев Толстой говорил: "Человек должен быть всегда счастливым, если счастье кончается, смотри, в чём ошибся". В чём же ошиблось человечество, когда лишилось счастья, втянувшись в глобальный кризис, включающий как духовную, так и экологическую составляющую? В том, что незаметно для себя подменило счастье комфортом и профанным наслаждением, оставило сияющий мир "евфросине" и спустилось в

обыденный мир "гедоне". Знаменательно, что человеческий разум не только не воспротивился этому, но сам стал орудием в погоне за гедонистическими удовольствиями и безудержным потребительством. Но таков уж закон жизни: за удовольствие надо платить. И если счастье - это всегда дар, небосвод которого бесконечен, то наши возможности платить за "гедоне" всегда ограничены и сжимаются, как шагреновая кожа.

Давайте признаемся самим себе: сегодня общество нуждается в новых трансцендентных повествованиях, а наше вглядывание в будущее тысячелетие так же актуально, как и осмысление прошлого.

"В каждой душе живет тяготение к счастью и смыслу". Любая культурная эпоха, в которой в процессе самоосуществления человека нарушается равновесие трансцендентного и трансцендентального, порождает болезненную инверсию цели и средства, так что счастье, профанируясь, низводится до практик наркотического опьянения, ведущего к "несчастному сознанию", а смысл, теряя эмпирическую составляющую, опасно приближается к грани бессмысленного. К словам Аквината поэтому можно, по-видимому, добавить только одно: счастье, не озарённое Смыслом, ведёт от "евфросине" к "гедоне", а Смысл - в отрыве от счастья - не способен уберечь нас от ощущения трагизма. Это трагизм умудренного человека, о котором Г.Гейне сказал: «Смеется мудрое сердце, И кровью исходит оно».